II 1977

3 3 5

ТУ 19-32-73

3

I

студия
ДИАФИЛЬМ

РГДБ
2015
ЮРИЙ КОВАЛЬ
Картофельная
СОБАКА
ХУДОЖНИК В. ХВАЛЕНСКИЙ

Дядька мой, Аким Ильич Колыбин, работал сторожем картофельного склада на станции Томилино под Москвой. По своей картофельной должности держал он много собак. 2

Весной и летом я жил неподалёку от Томилина на дачном садовом участке. Аким Ильич частенько наезжал ко мне в гости и всегда привозил картошки.—«Яблоки, а не картошка!—расхваливал он свой подарок.—Антоновка!»

—Надо тебе собаку завести,—говорил Аким Ильич.—Одному скучно жить, а собака—это друг человека. Привезу я тебе со склада Тузика. Вот это собака! Зубы—во! Башка—во!

Стояли тёплые ночи, и я приноровился спать на траве, в мешке. Не в спальном, а в обычном, из-под картошки. И вот я спал однажды в своём мешке, и снился мне нелепый сон.

Будто какой-то парикмахер намыливает мои щёки.

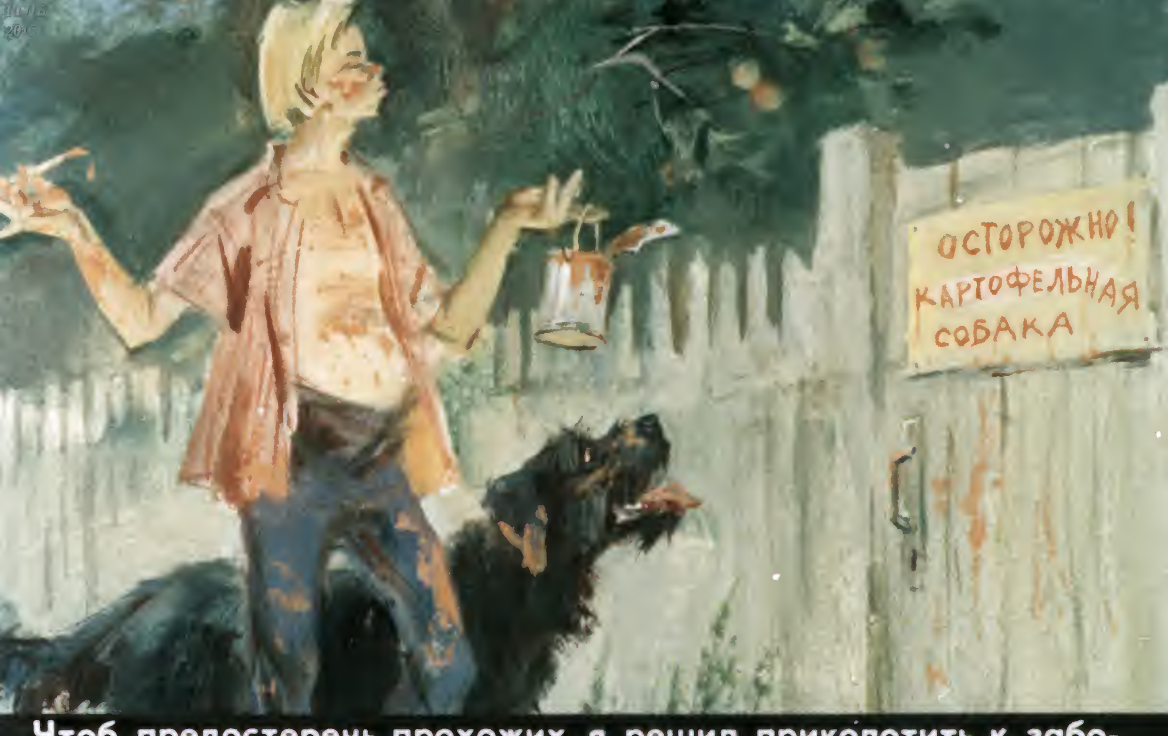
Я открыл глаза и увидел страшного «парикмахера». Надо мной висела чёрная и лохматая собачья рожа. Это был Тузик. Высунув язык, он облизывал моё лицо.

— «Посмотри-ка», — сказал Аким Ильич и таинственно, как фокусник, достал из кармана сырую картофелину. Он подбросил картофелину, а Тузик ловко поймал её на лету и слопал прямо в кожуре.

Тузик был велик и чёрен. Усат, бровастый, бородат. Наводить ужас на людей — вот было главное его занятие.

Чтоб предостеречь прохожих, я решил приколотить к забору надпись: «Осторожно—злая собака». Но подумал, что это слабо сказано, и так написал: «Осторожно! Картофельная собака!»

Как-то вечером я гулял с Тузиком по дачному шоссе. Навстречу нам шла старушка-бабушка в платочке, с хозяйственной сумкой в руках.

Когда она поравнялась с нами, Тузик вдруг клацнул зубами и вцепился в сумку.

Я дёрнул поводок—и Тузик отскочил в сторону. Мы пошли было дальше, как вдруг за спиной послышался тихий крик: «Колбаса!»

Я глянул на Тузика. Из пасти его торчал огромный батон колбасы. Не коляска, а именно батон толстой варёной колбасы, похожий на дирижабль.

Я выхватил колбасу, а потом издали поклонился старушке и положил колбасный батон на шоссе, подстелив носовой платок.

По натуре Тузик был гуляка и барахольщик. Он всегда приносил что-нибудь: детский ботинок, рукава от телогрейки. Но вот как-то раз он принёс курицу.

Это была белая курица, абсолютно мёртвая. В ужасе метался я по участку и не знал, что делать с курицей. Каждую секунду, замирая, глядел я на калитку: вот войдёт разгневанный хозяин.

Время шло, а хозяина курицы не было. Зато появился Аким Ильич. Улыбаясь, шёл он от калитки с мешком картошки за плечами.

Аким Ильич скинул мешок и взял в руки курицу.—«Жирная,—сказал он и тут же огрел Тузика по ушам.—Будешь или нет?!»

Тузик жалобно поднял вверх лапы и скорчил точно такую горестную рожу, какая бывает у клоуна в цирке, когда его нарочно хлопнут по носу.—«Понял или нет?!»

—«Что делать-то с нею?»—спросил я. Аким Ильич подвесил курицу под крышу сарая и сказал: «Подождём, пока придёт хозяин». Потом он приладил на верстак доску и стал обстругивать её фуганком.

Солнце пригревало крепко, и курица под крышей задыхалась. Аким Ильич глядел тревожно на солнце и говорил многозначительно: «Курица тухнет!» — «Так что ж делать?» — «Надо курицу ощипать. Заводи-ка, брат, костёр. Вот тебе и стружка на растопку».

Пока я возился с костром, Аким Ильич ощипал курицу, и скоро забурлил в котелке суп. Я помешивал его длинной ложкой и старался разбудить свою совесть, но она дремала в глубине души.

Отобедав, Аким Ильич подвесил над костром чайник и запел: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» Тузик лежал у его ног и задумчиво слушал, шуршал ушами, будто боялся пропустить хоть слово.

А когда Аким Ильич добрался до слов «но нельзя рябине к дубу перебраться», на глаза Тузика набежала слеза.

—«Эй, товарищи,—послышалось вдруг.—Кто тут хозяин?»—
«В чём дело, земляк?»—«В том, что эта скотина (тут гражданин ткнул в Тузика пальцем) утащила у меня курицу».—
«Заходи, земляк, потолкуем».

—«Сколько же вы кур держите? Десять?»—«Двадцать две было, а теперь вот двадцать одна».—«Чем же вы их кормите?»—«Картошкой. Да только картошка-то вся кончилась!»

—«Картошки у него нету! Так ведь у нас целый мешок. Бери!»—«На кой мне ваша картошка! Курицу гоните или сумму денег».—«Картошка хорошая!—лукаво кричал Аким Ильич.—Яблоки, а не картошка! Антоновка! Да вот у нас есть отварная, попробуй-ка!»

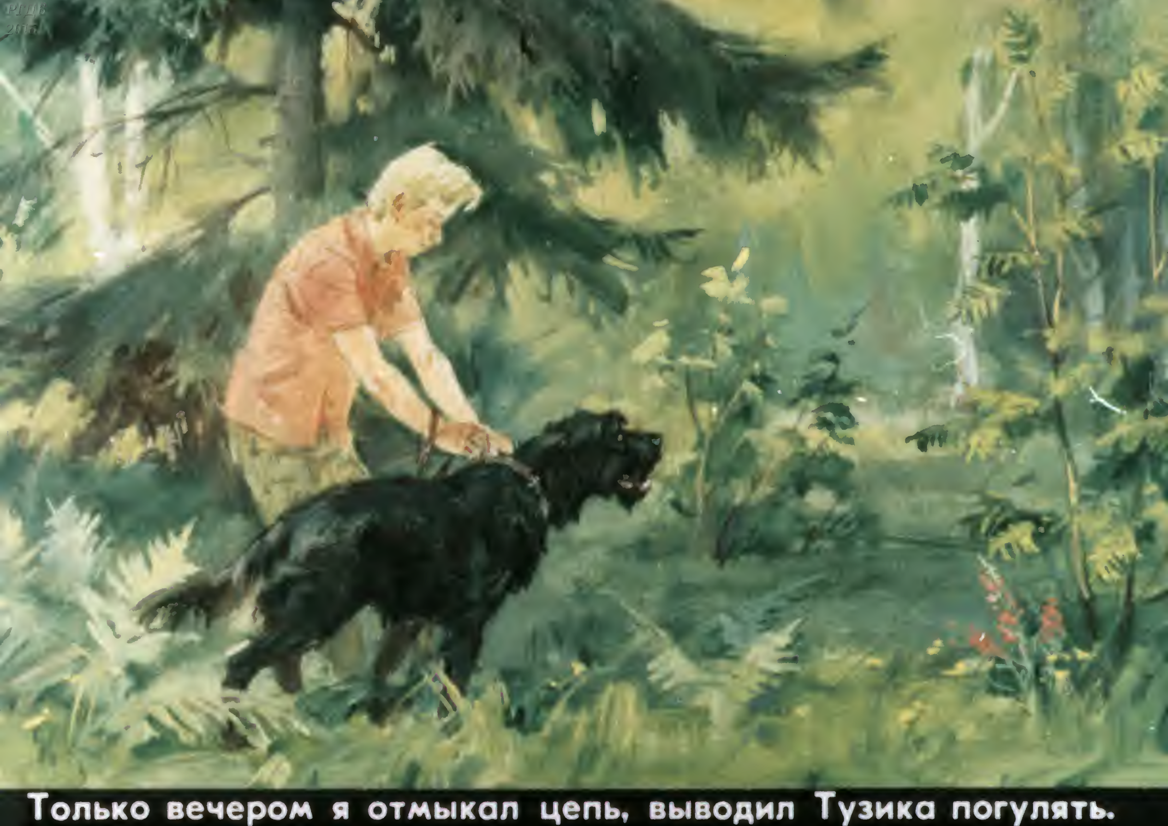
—Нешто попробовать,—засомневался владелец курицы. Он принял картофелину из рук Акима Ильича и надкусил.— Картошка вкусная.

—«Насыпай, сколько надо»,—сказал Аким Ильич.–«Пусть ведро насыплет, и хватит»,—вставил я. Аким Ильич укоризненно поглядел на меня: «У человека несчастье: наша собака съела его курицу. Пусть сыплет, сколько хочет, чтоб душа не болела».

На другой день я купил в керосиновой лавке толковую цепь и приковал картофельного пса к ёлке. Кончились его лебединые деньки. Тузик обиженно стонал, плакал поддельными слезами и так дёргал цепь, что с ёлки падали шишки.

Только вечером я отмыкал цепь, выводил Тузика погулять. Мы заходили подальше в лес, и там я отстёгивал поводок.

Тузик не помнил себя от счастья. Он мчался куда-то изо всех сил, сшибая пеньки. А я нарочно бежал в другую сторону и прятался в папоротниках.

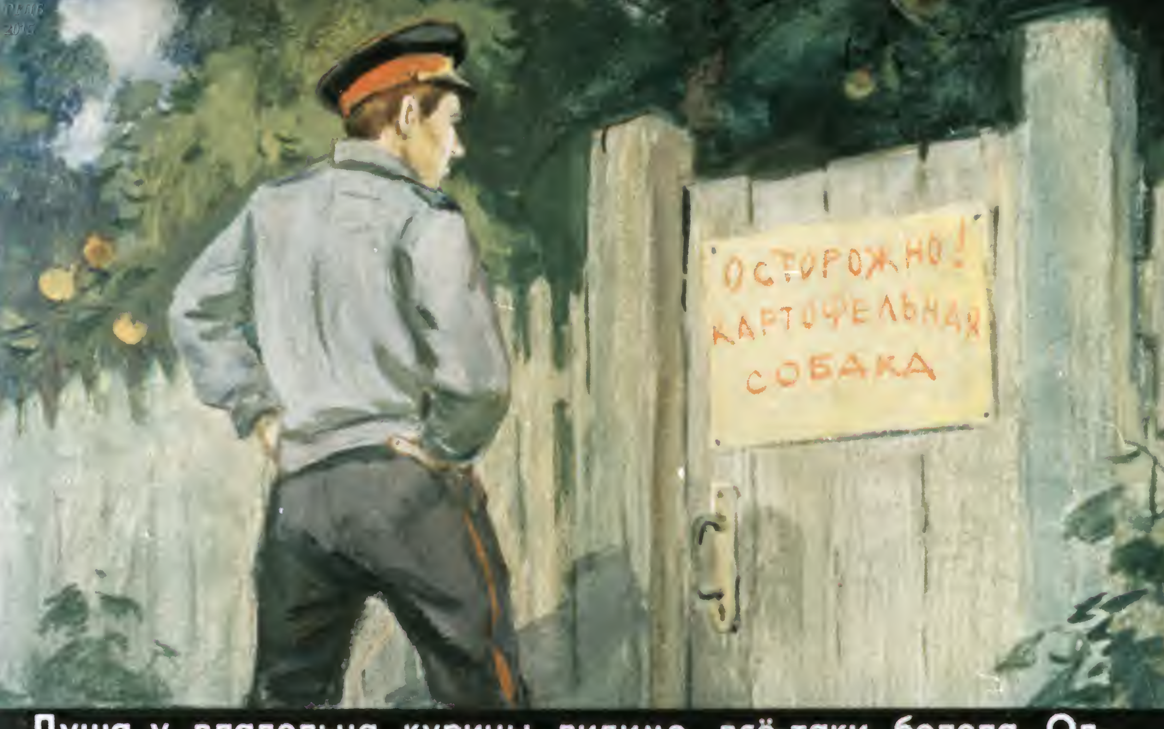
Скоро Тузик начинал волноваться: почему не слышно моего голоса. Он призывно лаял и носился по лесу, разыскивая меня.

Когда он подбегал поближе, я вдруг с рёвом выскакивал из засады и валил его на землю.

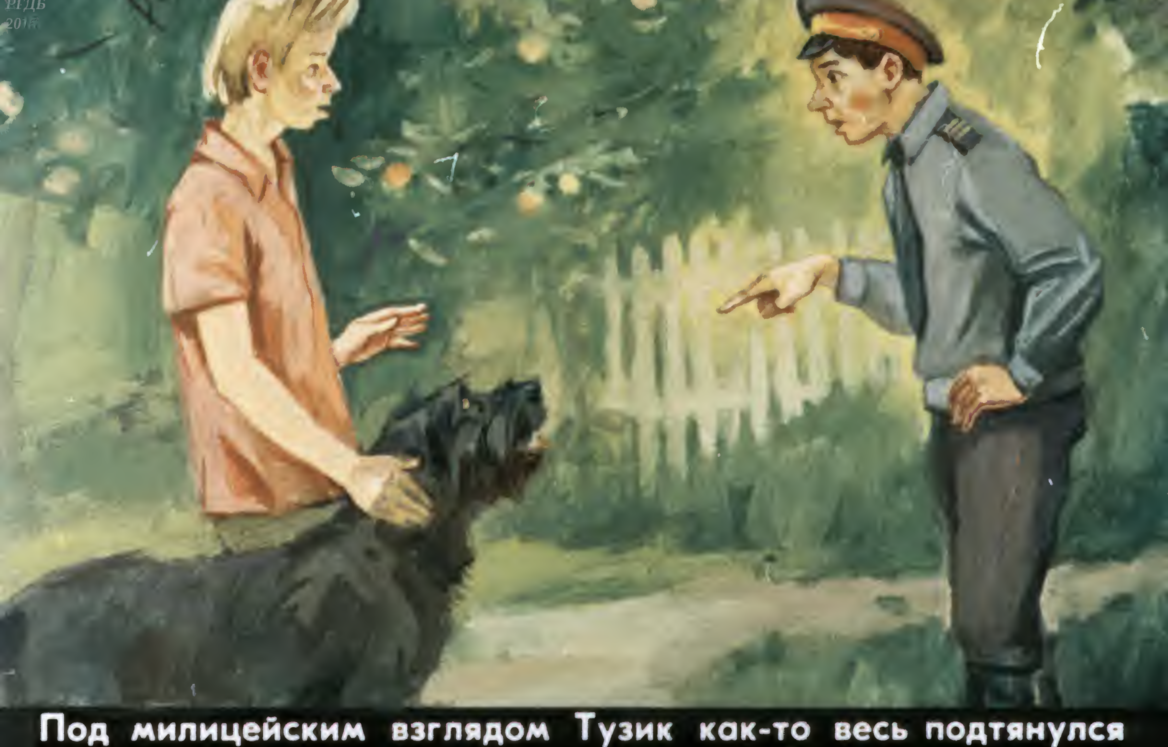
Мы катались по траве и рычали, а Тузик так страшно клацал зубами и так вытаращивал глаза, что на меня нападал смех.

Душа у владельца курицы, видимо, всё-таки болела. Однажды утром у калитки нашей появился сержант милиции. Он долго читал плакат про картофельную собаку и наконец решился войти.

Тузик хотел было грозно залаять, но почему-то раздумал.— «На эту собаку поступило заявление в том, что она давит кур. А вы этих кур поедаете»,—сказал сержант.

Под милицейским взглядом Тузик как-то весь подтянулся и встал будто по стойке «смирно».—«Это очень мирная собака»,—сказал я.—«А отчего она картофельная? Это что ж, порода такая?»

Тут я достал из кармана картофелину и бросил её Тузику. Тузик ловко перехватил её в полёте и культурно скушал, деликатно поклонившись милиционеру.

—«Странное животное! Картошку ест сырую. А погладить его можно?»—«Можно».—Сержант стал гладить Тузика, а картофельный пёс застенчиво прикрывал глаза и вилял хвостом, как делают это комнатные собачки.

Сержант, как видно, успокоился. Он попрощался, пошёл к выходу. И вот тут, когда милиционер повернулся спиной, проклятый картофельный пёс-обманщик вдруг встал на задние лапы и чудовищно гаркнул сержанту в самое ухо.

Полубледный сержант отскочил в сторону, а Тузик упал на землю и смеялся до слёз, катаясь на спине.—«Ещё одна курица,—крикнул издали сержант,—и всё!»

Но не было больше ни кур, ни заявлений. Лето окончилось. Мне надо было возвращаться в Москву, а Тузику на картофельный склад. В последний день августа приехал Аким Ильич.

Мы наварили молодой картошки, поставили самовар.—«Хороший год,—говорил Аким Ильич,—урожайный. Яблоков много, грибов, картошки».

Мы долго ехали в электричке, стояли в тамбуре, и Тузик, поднявшись на задние лапы, выглядывал в окно.

Мимо пролетали берёзы, рябины, сады, набитые яблоками, золотыми шарами. Хороший это был год, урожайный. В тот год в садах пахло грибами, а в лесах—яблоками.

РГДБ
2015
КОНЕЦ
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор В. Иванов
Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1976 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Цветной 0-30
Д-342-76
48